

На правах рукописи

Глушко Ирина Васильевна

**ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону- 2016

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный консультант

доктор философских наук, профессор
Савченко Людмила Алексеевна

**Официальные
оппоненты:**

Тощенко Жан Терентьевич,
Член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор;
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет», заведующий
кафедрой теории и истории социологии;
журнал «Социологические исследования»,
главный редактор

Кривоусков Виктор Владимирович,
доктор социологических наук;
ФГУП «Центральный научно-исследовательский
институт машиностроения», главный научный
сотрудник

Филюшкина Диана Владимировна,
доктор философских наук, доцент;
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет», Гуманитарный институт, кафедра
философии, профессор

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»**

Защита состоится «02» декабря 2016 г. в 10.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте: <https://hub.sfedu.ru/diss/announcement/86995de0-0802-4a0e-8008-50f8f93bcd62/>

Автореферат разослан «__» октября 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Верещагина
Анна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Человеку всегда свойственно любить, надеяться, верить, иметь жизненные идеалы и ценности, что не всегда улавливается и объясняется с точки зрения рациональности. Доверие относится к числу таких иррациональных феноменов индивидуального мира человека и оказывается связанным с определенным способом восприятия им окружающей действительности. Вместе с тем доверие существует в социальной реальности, является характеристикой взаимодействия социальных субъектов, определяет его эффективность и предоставляет возможность повлиять на социальную ситуацию.

Для современного этапа развития науки характерен повышенный интерес социально-гуманитарных дисциплин к теме доверия, что обусловлено, в частности, озабоченностью по поводу его ослабления, усиления его рискогенных факторов и эволюции в сторону недоверия, которое достаточно стремительно вытесняет доверие в ситуации социальных перемен, вызванных процессами трансформации и модернизации современных обществ.

Для российского общества научный дискурс о доверии и недоверии имеют особое значение в силу сложности, неоднозначности и непредсказуемости социальных трансформаций последних десятилетий, обусловивших поиск социальных ресурсов сохранения целостности существующей социальной системы, достижения социального согласия, а также механизмов практической адаптации российских граждан к складывающимся социальным условиям и факторам. По мнению исследователей, «большинство по-своему адаптировалось к социально-экономической и социокультурной ситуации, хотя и заплатило за это высокую цену. Произошел разрыв между нормативным и дискриптивным уровнями отношений – своеобразная «шизофрения» массового сознания, заключающаяся в признании наиболее распространенных социальных практик нелегитимными и неприемлемыми». Этот «нормативный диссонанс» представляется весьма интересным с точки зрения его воздействия на отношения доверия и появления

ситуации «дефицита доверия»¹. Кроме того, проблематика, связанная с формированием гражданских ценностей, достижением общегражданской интеграции несмотря на наличие определенной степени консолидации российского общества на волне так называемого «посткрымского консенсуса», остается актуальной.

Доверие в социальных практиках существует в единстве с недоверием, поэтому исходный пункт диссертационного исследования образуется категориальной парой «доверие и недоверие». С социально-философской точки зрения, доверие и недоверие выступают как целостное явление социальных практик, детерминированное трансформационными изменениями общества. Любое общество, и российское не является исключением, испытывая дефицит доверия, остро нуждается в нём как основании социального капитала, консолидации общества и преодолении кризисных явлений. Этим определяется и особая социальная значимость диссертационного исследования, ориентированного на получение социально-философского знания о доверии и недоверии как социальных практиках в российском обществе.

В научном дискурсе существуют самые разнообразные представления о доверии и недоверии, обусловленные односторонностью, парадигмальной ограниченностью в рамках той или иной научной дисциплины и методологическими предпочтениями тех или иных авторов. В результате представления носят фрагментарный характер. В современном научном дискурсе в настоящее время не сложилось и целостного представления о социальных практиках, в которых доверие сосуществует с недоверием. В условиях методологического плюрализма разработка такой концептуальной категории предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на

¹ Реутов Е.В, Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. №6. С. 127.

основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Степень научной разработанности темы исследования. Доверие как социальное явление в российском обществе уже выступало предметом исследования различных социально-гуманитарных наук в русле разных исследовательских парадигм и методологических подходов. Представления о доверии в российском обществе накоплены в рамках парадигмы социокультурных трансформаций и модернизации (М.К. Горшков, В.А. Ядов, Е.Г. Ясин)²; социокультурной и гуманистической парадигм (Ю.Г. Волков, И.А. Гуськов)³; парадигмы социокультурного кризиса, рискогенной и конфликтологической парадигм (Л.А. Беляева, Ю.А. Зубок, С.Г. Кара-Мурза, Н.И. Лапин, В.И. Чупров)⁴.

В философских исследованиях отечественных авторов доверие как самостоятельный объект изучается в таких аспектах, как его природа и социальная роль; субъектно-объектный характер доверия как отношения; особенности рефлексии, ведущей субъекта к доверию или к отказу от него; эпистемологические, ценностные и социально-манипулятивные аспекты доверия (С.В. Гельфанова, А.П. Мальцева)⁵. В немногочисленных специальных социально-философских исследованиях социальное явление доверия, как правило, рассматривается безотносительно его специфики в российской

² Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. №12. С. 30–44.; Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т. Н. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. 451 с.; Ясин Е.Г. Модернизация и общество. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 114 с.

³ Волков Ю.Г., Гуськов И.А. Идеология гуманизма и национальная идея // Гуманитарный ежегодник.13. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д, М.: Социально-гуманитарные знания, 2014. С. 37–51.

⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные исследования молодежи. М.: Academia, 2008; Кара-Мурза С. Г. Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса. М.: Алгоритм, 2013. 272 с.; Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 245 с.

⁵ Гельфанова С.В. Феномен доверия в социокультурном развитии общества: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2007. 24 с.; Мальцева А.П. Философия доверия // Человек. 2012. №3. С. 19–27.

действительности (Л.В. Воробьева, С.В. Гельфанова, О.А. Кутуева, Т.С. Орлова, К.П. Стожко)⁶. Социально-философский дискурс о доверии строится в контексте сложившихся актуальных экономических, социально-политических, социокультурных и повседневных ситуаций, отражающих проблему, тенденции и динамику производства и воспроизводства доверия в социальной реальности (С.В. Алешин, Л.А. Савченко, В.Ю. Столяр)⁷.

Отечественная наука, вслед за зарубежной, отличается активной разработкой социологического пространства доверия. В 90-е гг. одним из первых исследователей проблематики, связанной с доверием в российском обществе, стал Ю.А. Левада⁸. В ряде социологических исследований доверие показано при изучении социальной структуры и стратификации российского общества (О.И. Шкаратан); процессов социальной трансформации и модернизации (Т.И. Заславская, В.А. Ядов, Е.Г. Ясин); консолидации российского общества на основе укрепления доверия (В.В. Кривоусков, П.М. Козырева, М.Г. Магомедов, А.И. Смирнов); на базе эмпирических межстрановых сравнений уровней доверия (Е.М. Бобкова, В.В. Воронов, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкин, В.О. Рукавишников, М. Сасаки)⁹.

⁶ Воробьева Л.В. Социально-философский анализ доверия // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. 2008. Вып. 39. С. 36–40; С.В. Гельфанова, О.А. Кутуева, Т.С. Орлов. Доверие как фактор совершенствования качества жизни / // Вестник СамГУ. 2007. №1. С. 206–212; Качество жизни: диалектика духовного и социального / ред. К. П. Стожко. Екатеринбург: УИБ, 2007. 651 с.

⁷ Алешин С.В. Доверие как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос.наук: 09.00.11. Краснодар, 2012; Савченко Л.А. Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика: социально-философский анализ: дисс... докт... филос. наук: 09.00.11. Ростов н/Д., 2001. 326 с.; Столяр В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Тверь, 2008.

⁸ Левада Ю. Факторы и фантомы общественного доверия // Ю. Левада. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993–2000 гг. М: Московская школа политических исследований. 2000. С. 112–124.

⁹ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 528 с.; Заславская Т.И, Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2009. №1. С. 142–152; Ясин Е.Г. Модернизация и общество. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 114 с.; Кривоусков В.В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: дис. ... доктора социологич. наук. Ростов н/Д, 2013; Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова.

Важное значение для изучения доверия и недоверия в условиях социокультурного кризиса современного российского общества имеют выводы о существовании травмы и антиномии как новых характеристик общественного сознания и поведения, а также кентавр-явлений как взаимоисключающих характеристик в реальной жизни российского социума (Ж.Т. Тощенко)¹⁰.

В научном дискурсе также используются возможности междисциплинарного синтеза, в пределах которого доверие в контексте российского общества выступало предметом междисциплинарных исследований в рамках философии и экономики (О.Н. Крюкова)¹¹; социологии и политической науки (Н.А. Морозов, Е.Н. Черницына)¹²; социологии и экономической теории (А.Ю. Алексеева, С.Ю. Барсукова, А.В. Белянин, Ю.В. Веселов, В.П. Зинченко, Е.В. Капусткина, Р. Ш. Меняшев, В.Н. Минина, Л.И. Полищук, В.В. Радаев, Г.С. Ромашкин, Л.В. Халикова)¹³; социологии и истории

М., Новый хронограф, 2010. С. 160-199.; *Магомедов М.Г.* Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ: автореф. дисс. ... докт. социол. наук: Ростов н/Д, 2009. 42 с.; *Бобкова Е.М.* Доверие как фактор целостности общества // Социологические исследования. 2014. №10. С. 70–75; *Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 18–23; *Сасаки М.* Сравнительный анализ доверия в различных странах/ М. Сасаки, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкин, В.В. Воронов // Социологические исследования. 2013. №3. С. 60–73.

¹⁰ *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России//Социология. 2014. № 4. С.45–60; *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М: Новый хронограф, 2011; *Тощенко Ж.Т.* Экономическое сознание и поведение: состояние, тенденции, противоречия – четверть века спустя // Социологические исследования, 2014. № 7. С. 51–63.

¹¹ *Крюкова О.Н.* Сущность и кризисная динамика доверия в культуре: общество и экономика: автореферат дисс... канд. философ.наук. Ростов н/Д., 2010. 20 с.

¹² *Морозов Н.А., Черницына Е.Н.* Политическое доверие как феномен социальной интеракции // Известия Алтайского государственного университета. 2014 . № 4. С. 285–288.

¹³ *Алексеева А.Ю.* Феномен личностного доверия в ситуации институционального займа: дисс... канд. социологич. наук. Новосибирск, 2007. 127 с.; *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: Экономико-социологический анализ. М.: Изд.ГУ-ВШЭ, 2004; *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия, 2010; *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект Пресс, 2011; *Веселов Ю.В.* Экономика и социология доверия / Ю.В. Веселов, Е.В. Капусткина, В.Н. Минина и др.; Под. ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. общество им. М.М. Ковалевского, 2004. 190 с.; *Полищук Л., Меняшев Р.* Экономическая отдача от социального капитала: о чем говорят российские данные? // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.:

(А.В. Юраков)¹⁴; психологии и политической науки (С.Н. Плесовских, М.Г. Шукюрова)¹⁵.

Исследование проблем формирования и трансформации социальных практик российского общества базируется на различных представлениях о социальных практиках. В рамках теории деятельности и институционального подхода социальные практики считаются первичными, основополагающими по отношению к социальным институтам (Добреньков В.И., Кравченко А.И.)¹⁶, или социальные практики рассматриваются как формы функционирования социальных институтов (Н.А. Антонова, Т.И. Заславская, С.Г. Кирдина, М. А. Шабанова)¹⁷.

На уровне поведенческих практик населения Г.В. Градосельская, Г.Л. Кертман, Л.В. Колпина, Е.В. Реутов, Л.В. Петренко рассматривают доверие как основу неформальных социально-экономических отношений в обществе и социальных сетях и, соответственно, как составную часть социального

Изд-во ВШЭ, 2011. Т.2. С. 159–170.; *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: «ГУ ВШЭ», 2005. 603 с.; *Ромашкин Г.С.* Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореферат дис. ... канд. социологич.наук. Тюмень, 2011. 25 с.; *Халикова Л.В.* Доверие как социальный фактор развития малого предпринимательства: дисс...канд. социолог. наук: 22.00.03. Казань, 2008.

¹⁴ *Юраков А.В.* Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества (По материалам этносоциологического исследования в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии): дисс... канд. историч.наук. М., 2004. 225 с.

¹⁵ *Плесовских С.Н.* Феномен доверия в российском обществе: социологические основы и диагностика: дис. ... канд. социол. наук. М., 2004; *Шукюрова М.Г.* Доверие как социально-психологический феномен в политике: дисс... канд. психолог. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 2005. 155 с.

¹⁶ *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М: ИНФРА-М, 2000. С. 145–146.

¹⁷ *Антонова Н.Л.* Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета: Серия «Общественные науки». 2009. №4 (70). С. 92–98.; *Заславская Т.И.* О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса/под общ.ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3–15; *Кирдина С.Г.* Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 75–101; *Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология: электронный журнал. 2006. Т. 7. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ecsoc.msses.ru/data/868/587/1234/ecsoc_t7_n4.Pdf. (дата обращения: 09.11.2015).

капитала¹⁸. Показано, что в условиях снижения уровня «генерализованного доверия» (доверия вообще и институционального доверия) получает развитие новая разновидность межличностного доверия – «доверие к участникам определенного сообщества, которое становится источником формирования новых партикулярных сообществ и соответствующих им социальных институтов» (А.Е. Хренов)¹⁹.

Поскольку в постсоветском обществе доминантой практического поведения большинства россиян является «неполное, или частичное, доверие, точнее, смесь принудительного, вынужденного доверия с настороженностью и латентным недоверием...»²⁰, то недоверие также выступает предметом научного дискурса. Проблему недоверия, актуальную для социальной философии, одним из первых сформулировал С.Е. Вершинин, полагающий, что «недоверие может анализироваться как самостоятельная константа социальной жизни и истории, а не только как отклонение от ситуации доверия»²¹.

Показано, что недоверие формируется и развивается в условиях снижения доверия, а также его кризиса, обусловленного комплексом социально-экономических и социокультурных факторов. Среди таковых – негативный социальный фон шоковых реформ (Г. Еремичева, Р.В. Рывкина, Ю. Симпура);

¹⁸ Градосельская Г.В., Петренко Л.В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов//Мир России. 2009. №1. Т.18. С. 117–143; Градосельская Г.В., Петренко Л.В. Гражданское общество. Добровольные объединения в условиях атомизации // Независимая газета. 2008. 22 июля; Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С.7–24; Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №3. С. 40–48.

¹⁹ Хренов А.Е. Роль доверия в конструировании социальных институтов//Труды Санкт-Петербургского института культуры и искусств. 2015. Т. 208. В 2-х ч. Ч.2. С. 183–192.

²⁰ Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура// Вестник общественного мнения. 2012. №.2. С. 8–47.

²¹ Вершинин С.Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2001. Ин-т философии и права Урал. отд-ния РАН. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 58–72; Вершинин С.Е. Социальное недоверие как необходимость и регресс [Электронный ресурс] // Сайт С. Вершинина: [Сайт]. Режим доступа: www.werschinin.ru. (дата обращения: 22. 08. 2011); Вершинин С.Е. Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 61–74.

социально-экономическая дифференциация, дистанцирование большинства населения от государства и высокий уровень социального неравенства (М.К. Горшков, О.И. Шкаратан); размывание общих ориентиров, социальный пессимизм, неверие в достижения ведущих характеристик справедливого общества и составляющих его нормативно-ценностной системы (Л.А. Беляева, Н.Е. Тихонова)²². На междисциплинарном уровне с привлечением эмпирического материала исследуется недоверие российского населения к власти как социальная проблема, характеризующая период социальной трансформации общества (В.Н. Минина, А.В. Оболонский)²³.

На рубеже XX и XXI вв. в мировом и отечественном научном дискурсе наметилась тенденция междисциплинарного исследования доверия совместно с недоверием. Результатом явилась монография под редакцией А.Б. Купрейченко и И.В. Мерсияновой, в которой опубликованы труды отечественных авторов, занимающихся в последние десятилетия теоретическим анализом данной проблематики (И.В. Антоненко, А.В. Белянин, Л.А. Журавлева, В.П. Зинченко, С.П.Табхарова, Е.В. Шляхова и др.)²⁴.

Исследование проблем институционализации социальных практик базируются на различных представлениях об отношениях между социальными

²² *Еремичева Г., Симпура Ю.* Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т.2.; Вып. 4.; *Рывкина Р.В.* Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 440 с.; *Горшков М.К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социс. 2014. № 7. С. 20-31; *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 528 с.; *Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества// Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22; *Тихонова Н.Е.* Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52-63.

²³ *Минина В.Н.* Недоверие к государственным институтам в российском обществе // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 150–167; *Минина В.Н.* Проблема недоверия в системе государственного управления современным российским обществом // Социология политики и управления. Сб. стат./ Под ред. Л. Т. Волчковой. СПб.: «Книжный дом», 2002. С. 87-97; *Оболонский А.В.* Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития // Политическая концептология. 2013. № 3. С. 34-44.

²⁴ Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

практиками и социальными институтами. Одни социологи в рамках нормативной трактовки исходят из существования формальных и, соответственно, неформальных институтов. В данном ракурсе дается нормативная характеристика доверия в составе институциональных и групповых практик, за нарушение которых следуют социальные санкции (Д.А. Будко, Л.Д. Гудков К.И. Ярулин)²⁵. В экономическом дискурсе доверие трактуется как норма поведения и базовый неформальный институт (С.Ю. Барсукова, Е.В. Жуковская)²⁶. В политическом дискурсе утверждается, что доверие зависит от рациональной оценки гражданами работы институтов власти (Н.А. Морозов, Е.Н. Черницына)²⁷. Доверие и недоверие рассматривается в контексте рефлексии опыта взаимодействия с общественными структурами и, в частности, политическими институтами и формированием образа власти (Т.М. Зуева, Н.А. Романович)²⁸. С точки зрения теории организации, доверие рассматривается как ресурс и, одновременно, следствие социального управления (А.А. Дворянов), тогда как «норма доверия» есть определенный уровень умений оказывать доверие и вызывать доверие у партнеров в соответствии с ожиданием (Т.А. Нестик)²⁹.

²⁵ Будко Д. А. Неформальные политические практики: проблемы концептуализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2 -х ч. Ч. II. С. 29-32; Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. №2. С. 8-47; Ярулин К.И. Институционализация неформальных социальных практик: дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Хабаровск, 2012. 162 с.

²⁶ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ М.: ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.; Жуковская Е.В. Доверие как норма и процесс ее институционализации // БИЗНЕС ИНФОРМ. 2011. № 8. С. 213-216.

²⁷ Морозов Н.А., Черницына Е.Н. Политическое доверие как феномен социальной интеракции // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 285-288;

²⁸ Зуева Т.М. Образы политической власти. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. 224 с.; Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2009. 400 с.

²⁹ Дворянов А.А. Доверие в системе социального управления: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.08. М., 2006. 178с.; Нестик Т.А. Недоверие помогает нам доверять друг другу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: planetahr.ru/publication/492. (дата обращения: 04.05.2012).

Другие специалисты пытаются преодолеть нормативизм анализа в терминах «неформального» и изучать «неформальные институты» как устойчивые и обязательные поведенческие паттерны, в полной мере демонстрирующие характеристики социального института, но выходящие за рамки правовых норм или просто ими не предусмотренные (А. Леденева, А.Ю. Старцев)³⁰. Характеризуя движение в сторону институционализации, некоторые авторы полагают, что этот процесс связан с ростом когнитивной составляющей системы доверия (Д.М. Данкин) или с ростом его рационального содержания (Э.О. Леонтьева)³¹.

Таким образом, различные аспекты доверия и недоверия в российском обществе являются предметом различных дисциплинарных научно-исследовательских практик. Сложившиеся представления обусловлены различными исследовательскими подходами и методологическими предпочтениями исследователей. В научном дискурсе доверие и недоверие как социальные явления преимущественно рассматриваются как самостоятельные сущности, изолированно друг от друга. Для нас важным является то, что отсутствуют специальные социально-философские исследования, связанные с рассмотрением доверия и недоверия как целостной социальной реальности, в рамках которой доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики российского общества. Поэтому представляется правомерным обращение к данной проблематике в качестве специального предмета

³⁰ *Леденева А.* Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. № 4. С. 89-106; *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Старцев Я.Ю.* Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ / А.А. Александров, Т.Е. Зерчанинова, К.Н. Самков, Я.Ю. Старцев. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31-59.

³¹ *Данкин Д.М.* Доверие как фактор стабильности // Ученые записки ИМЭИ. 2012. №1. Т.2. С.7-23; *Леонтьева Э.О.* Институализация неформальных практик в сфере высшего образования: дисс...докт. социолог. наук: 22.00.04. Хабаровск, 2010. 352 с.

социально-философского исследования, что и выступает основанием для формулировки цели и задач диссертации.

Цель исследования – разработка социально-философской концепции доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Задачи исследования:

1) выявить дисциплинарную специфику изучения доверия и недоверия в российском обществе;

2) осуществить категоризацию доверия и недоверия как социальных практик;

3) разработать методологический конструкт трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества;

4) установить теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик;

5) выявить экзогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества;

6) раскрыть эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества;

7) установить теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальной установки;

8) показать трансформацию доверия и недоверия как ментальной установки в советском и постсоветском обществе;

9) выявить специфику доверия и недоверия как ментальной установки в современном российском обществе;

10) установить теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик;

11) показать ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации в российском обществе;

12) раскрыть социальные последствия институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современном российском обществе.

Объект исследования – доверие и недоверие как социальные реалии в российском обществе.

Предмет исследования – доверие и недоверие как социальные практики, методология их трансдисциплинарного исследования и российская специфика.

Гипотеза диссертационного исследования. Доверие и недоверие как целостную социальную реальность можно представить, с одной стороны, как ментальные установки, которые выступают медиатором между социальной средой и социальными практиками. Ментальные установки являются когнитивной структурой ментальных программ, в которых институты как нормы превращаются в когнитивные образования. С другой стороны, доверие и недоверие можно рассматривать непосредственно как социальные практики, обусловленные этими ментальными установками. Трансформация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе обусловлена экзогенными и эндогенными факторами, то есть институциональной средой и ментальными установками. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе носит ангажированный характер. Авторский подход к исследованию доверия и недоверия позволит раскрыть связанные с ангажированностью особенности институционализации доверия и недоверия как социальных практик и определить возможные перспективы достижения баланса оптимальных уровней доверия и недоверия в российском обществе.

Теоретико-методологической основой исследования является трансдисциплинарный подход, который направлен на преодоление гетерогенности дисциплинарных теоретических знаний путем их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин, и связан, таким образом, с синкретическим осмыслением результатов дисциплинарных и междисциплинарных научно-

исследовательских практик на метатеоретическом уровне³². Основанием диссертационной работы явилась также когнитивная стратегия неоклассической модели научного исследования, синтезирующая позитивные познавательные установки классической и неклассической науки и базирующаяся, в частности, на таких принципах, как методологический, теоретический и аксиологический плюрализм, активизация концептуального мышления, контруктивный реализм и контекстуальность³³.

Решение научно-исследовательских задач, связанных с изучением социальных практик, осуществлялось в рамках синтеза деятельностного³⁴ и институционального подходов³⁵, концепций «фоновых» и «раскрывающего характера» практик³⁶, а также синтеза структуралистско-конструктивистской³⁷, структурационистской³⁸ и этнометодологической концепций социальных практик³⁹.

³² *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. М.: Институт философии РАН, 2009. 205 с.; *Лубский А.В.* Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. №10. С. 3–11; *Мокий В.С.* Методология трансдисциплинарности- 4. 2-е изд. Нальчик: АНОИТТ, 2014; Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.

³³ Конструктивизм в эпистемологии и в науках о человеке («материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 28–29.; *Лекторский В.А.* Кант, радикальный контруктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–21.; *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на юге России: методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.; *Лубский А.В.* Неоклассическая модель политических исследований / Политическая концептология. 2014. № 3. С. 22–24.

³⁴ *Лекторский В.А.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56–65; *Давыдов В.В., Громыко Ю.В.* Теория деятельности и социальная практика: доклад на III Международном конгрессе по теории деятельности. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_973.htm. (дата обращения: 18.03.2016).

³⁵ *Антонова Н.Л.* Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета: Серия «Общественные науки». 2009. №4 (70); *Добренков В.И., Кравченко А. И.* Социология: В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М: ИНФРА-М, 2000.; *Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2.

³⁶ *Wittgenstein L.* Remarks on the Philosophy of Psychology / L. Wittgenstein – Oxford: Blackwell, 1980. Vol 1.; *Волков В.В.* Концепция практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–24.

³⁷ *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 г.; *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики// Современная социальная

Научно-исследовательские задачи, связанные с изучением трансформации социальных практик, разрешались на основе теоретических представлений о сущности трансформационных изменений и социетальном трансформационном пространстве⁴⁰, о факторах, влияющих на трансформацию социальных практик на разных уровнях социальных взаимодействий⁴¹ в условиях сложного общества⁴².

При решении исследовательских задач, связанных с изучением доверия и недоверия как ментальной установки, использовались концептуальные идеи и подходы, сформулированные в социальной психологии, где установка рассматривается как неосознанная предрасположенность и осознанная готовность индивида к определенной реакции и социальным действиям⁴³, а также социологические теории личности⁴⁴.

Решение научно-исследовательских задач, связанных с изучением процесса институционализации доверия и недоверия как социальных практик, осуществлялось в рамках синтеза нормативной⁴⁵ и когнитивной⁴⁶ концепций

теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас/ под ред. А. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

³⁸ Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академич. проект, 2005.

³⁹ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

⁴⁰ Беляева Л.А. Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества// Философские науки. 2014. № 6. С. 8–22; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно – структурная концепция. М.: Дело, 2003. 568 с.

⁴¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2001. 464 с.; Роквич М. Природа человеческих ценностей. М.; Нью-Йорк, 1973. 276 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd 1–2. Fr./M., 1981.

⁴² Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.

⁴³ Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 143–163.; Узнадзе, Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.

⁴⁴ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975; Znaniecki F. The Polish Reasant in Europe and America (With W. I. Towas), vols. 1-5. Boston, 1918.

⁴⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

социальных институтов, а также неинституционалистского деятельностного подхода⁴⁷.

В качестве методологического основания использовались теории социальных коммуникаций, теории сложного общества, теории модернизации и теории социального капитала. Были использованы концептуальные идеи о социокультурном кризисе в российском обществе⁴⁸, антиномичности общественного сознания и ценностной системы, имитации как подмены разных видов деятельности, парадоксальном человеке, существовании кентавр-явлений как взаимоисключающих характеристик в реальной жизни российского социума⁴⁹. Многомерность и полифункциональность объекта исследования потребовали использования широкого набора методологических установок и принципов структурно-функционального и феноменологического подходов. На разных этапах исследования применялись процедуры категоризации и концептуализации, а также принципы дискурс-анализа.

Новизна диссертационного исследования конкретизируется в следующих тезисах:

⁴⁶ Димаджио П. Культура и хозяйство // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴⁷ Панов П.В. Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации: дисс... докт. политич. Наук. М., 2011.; Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.; Burns T., Flam H. The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.

⁴⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.; Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999. 352 с.; Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. М.: Ин-т философии РАН, 1994. 245 с.

⁴⁹ Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 3–18; Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология. 2014. № 4. С. 45–60; Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–35.; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: феномен общественного сознания и социальной практики//Вестник РАН. 2006. Т.76. № 8. С. 683–691; Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М: Новый хронограф, 2011.

1. Разработан методологический конструкт трансдисциплинарного научного исследования, направленный на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

2. Создана социально-философская концепция доверия и недоверия, в рамках которой доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики, то есть репертуары социальных действий и взаимодействий.

3. Выявлены теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик, выступающих частью трансформационной структуры общества и преобразующихся под воздействием внутренних и внешних факторов.

4. Установлены экзогенные и эндогенные факторы, трансформирующие доверие и недоверие как социальные практики в российском обществе в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства.

5. Выявлены теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок, выступающих в качестве когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками.

6. Раскрыта специфика трансформации доверия и недоверия как ментальных установок, связанная с формированием дихотомии «доверие-недоверие» в советском обществе и усилением в ее содержании недоверия с его дезинтеграционным потенциалом в современном российском обществе.

7. Выявлены теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик в контексте превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие доверие и недоверие как репертуары социальных действий и взаимодействий.

8. Раскрыты особенности институционализации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе, связанные с ангажированностью, обусловленной сознательно выбираемой социальной позицией на микро- и макросоциальном уровне социального взаимодействия.

9. Показано, что институционализация доверия и недоверия как социальных практик современного российского общества сопровождается формированием кентаврообразной модели «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, его имитирующее; выявлены возможные перспективы преобразования этой модели с целью достижения баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Различные аспекты доверия и недоверия в российском обществе уже были предметом дисциплинарных научно-исследовательских практик, в рамках которых доминируют ценностный, реляционистский, деятельностный (в том числе переосмысленный в русле теорий социальных коммуникаций), институциональный и структурно-функциональный подходы, а также рискогенная, конфликтологическая парадигмы социокультурного кризиса. В рамках этих подходов и парадигм сложились различные представления о доверии и недоверии как социальных явлениях, обусловленные методологическими предпочтениями тех или иных авторов. В научном дискурсе доверие и недоверие рассматривались преимущественно как самостоятельные сущности, которым придавались аксиологические, нормативные и конативные измерения. Доверие и недоверие как ментальные установки и социальные практики российского общества еще не выступали предметом социально-философского осмысления, предполагающего их рассмотрение как целостной социальной реальности. Такое философское осмысление предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия в российском обществе на основе принципа синкретизма. Основанием разработки методологического конструкта трансдисциплинарного

исследования доверия и недоверия как социальной реальности являются принципы неоклассической модели научного исследования, когнитивная стратегия которой направлена на синтезирование результатов научных исследований на метатеоретическом уровне.

2. В рамках методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Доверие и недоверие как ментальные установки выполняют функцию когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками. Благодаря этому медиатору институты как нормы превращаются в когнитивные образования, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики, представляющие собой репертуары социальных действий и взаимодействий. Это означает, что ментальные установки являются когнитивной структурой ментальных программ, в которых институты как нормы превращаются в когнитивные образования. Поэтому доверие и недоверие можно рассматривать непосредственно как социальные практики, обусловленные этими ментальными установками.

Таким образом, в авторской интерпретации доверие и недоверие как социальные практики рассматриваются как репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные экзогенными (институциональной средой) и эндогенными (ментальными установками индивидов и социальных групп) факторами. Введение в научный оборот понятия «доверие и недоверие как социальные практики» в качестве социально-философской категории может послужить решению задач концептуализации различных проявлений трансформации социальных практик российского общества. Концептуальная основа исследования доверия и недоверия как социальных практик включает в себя следующие параметры изучения их проявлений в российском обществе: экзогенные и эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик; доверие и недоверие как ментальные установки и

специфика их трансформации; институционализация доверия и недоверия как социальных практик и ее социальные последствия.

3. Трансформация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как преобразование доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, которые являются частью трансформационной структуры общества. В рамках синтеза различных исследовательских подходов трансформационную структуру общества можно трактовать как включающую в себя, с одной стороны, устойчивые базовые институциональные структуры, с другой стороны, систему социальных субъектов, структурирующих гражданское общество. Социальные практики как репертуары социальных действий и взаимодействий трансформируются в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства. Поэтому в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия. Таким образом, трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана с изменениями в институциональной среде и охватывает также систему социальных субъектов и их ментальных установок.

4. Экзогенными факторами трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества являются: социальное неравенство по целому ряду значимых социальных показателей; степень полезности и эффективности социальных институтов; воздействие средств массовых коммуникаций. Как следствие, для российского общества характерно наличие наиболее высокого уровня межличностного («особо личного»), низкого уровня институционального, и средних уровней общественного («дальнего уровня») и локального (города, района) доверия. Экзогенные факторы оказывают влияние на доверие и недоверие как социальные практики опосредованно, через ментальные программы индивидов, которые можно рассматривать в качестве эндогенных факторов.

Эндогенными факторами трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе являются присущие определенному этапу развития российского общества, связанные с индивидуальным и общественным сознанием, выступающие в комплексе ментальные поведенческие программы, когниции и ценностно-нормативная система, находящие выражение, прежде всего, в ментальных установках. Доверие и недоверие как ментальные установки являются когнитивным медиатором между институциональной средой и социальными практиками. Под влиянием эндогенных факторов доверие и недоверие в социальных практиках российского общества приобретает такие характеристики, как неоднозначная (вариативная) социально-смысловая наполненность, асимметричность, фрагментарность, ситуативность и размытость компонент.

Результатом трансформационных процессов являются антиномии общественного сознания и социальных практик российского общества. Их составной частью выступает антиномия доверия и недоверия как реально существующая коллизия, в которой доверие и недоверие, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой стороны, находятся в синкретическом единстве в конкретных социальных условиях и ситуациях.

5. На этапе ранней социализации у индивидов формируется только доверие в качестве ментальной установки как неосознанной предрасположенности и осознанной готовности субъекта к действию. На завершающем этапе первичной социализации доверие диффузирует в доверие и недоверие, превращаясь в ментальные установки, обуславливающие социальные практики. Доверие и недоверие как ментальные установки, обуславливая социальные практики, определяют стратегию поведения индивидов и социальных групп на микро- и макроуровне социального взаимодействия.

В условиях информационного общества создаются новые возможности для моделирования доверия и недоверия. Появляются новые формы псевдодоверительных отношений – виртуальное доверие и медиадоверие, в

которых размывается коммуникативная идентичность как новое социальное качество личности, появившееся в коммуникативном обществе, что осложняет процесс социализации. Соответственно осложняется и формирование доверия.

6. Истоки формирования доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе закладывались в советском прошлом, где доверие и недоверие как ментальные установки выступали в форме дихотомии «доверие-недоверие». В рамках этой дихотомии доверие и недоверие являлись относительно самостоятельными ментальными установками под влиянием детерминантов экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного характера. Наиболее значимым социокультурным детерминантом, формирующим основания недоверия, выступало отчуждение в различных его формах.

В современном российском обществе также существует дихотомия «доверие-недоверие». Специфика дихотомии «доверие-недоверие» в современном российском обществе заключается в том, что в ее содержании недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом, обусловленным сегментированностью, распадом социума на отдельные пространственно-временные анклавы, разнонаправленностью и несовпадением социальных процессов, происходящих в них. Необходимость его преодоления предполагает формирование доверия как общей ментальной установки, выступающей основой консолидации российского общества. В условиях усиливающегося отчуждения и недоверия остро стоит проблема доверия. Возможные перспективы усиления доверия задаются такими основаниями, как сохранение мировоззренческого единства, общегражданская интеграция на основе патриотизма, социальная солидарность и общие моральные ориентиры. Росту доверия в современном российском обществе будут способствовать также актуализация социального запроса на справедливое и разумно устроенное общество; формирование «креативного класса» и социальной группы «самодостаточные россияне», способных стать социальной опорой для стабильного и устойчивого развития; консолидация общества вокруг власти и

других институтов в условиях внешнеполитического кризиса; рост ценностей микроуровня, постепенно завоевывающих позиции основания общественной ценностно-нормативной системы. Это приобретает особую значимость, поскольку в условиях западных санкций, спада экономики, раскручивания инфляции, безработицы и других негативных факторов доминирование в числе ценностей простейших, базовых для стабильного выживания потребностей характеризует рост пессимизма социальных настроений и установок россиян.

7. В рамках синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неоинституционального деятельностного подхода институционализация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как процесс превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Устойчивые неформальные институты как нормы превращаются в институты как когнитивные образования путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. В результате экстернализации ментальные установки становятся основаниями репертуаров социальных действий, которые трансформируют старые или порождают новые элементы социального порядка, в том числе институциональную среду.

Институционализация доверия и недоверия как социальных практик осуществляется в ходе неформальных институциональных практик, подкрепляемых формальными нормативными ограничениями. Когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик микросоциального уровня. Осознанные структуры ментальных установок определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

8. Доверие и недоверие как социальные практики в российском обществе характеризуются ангажированностью, обусловленной сознательно выбранной социальной позицией на микро- и макросоциальном уровне социального взаимодействия. На микросоциальном уровне доверие ангажировано в сетевых структурах с небольшим радиусом отношений (семейных, клановых, дружеских), что связано с повседневными неформальными практиками использования личных контактов для решения задач, формирующих траекторию жизненного пути индивида. На макросоциальном уровне современного российского общества ангажировано высокое персонифицированное доверие к первому лицу государства, а также институциональное доверие к таким институтам, как церковь и армия. Барьеры для институционализации доверия как социальных практик в отношении других формальных государственных институтов, таких как судебная система, полиция, муниципальные органы, задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством этих институтов.

Ангажированность недоверия обуславливается также возрастающей потребностью в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – в качестве своеобразного гаранта безопасности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения и конструирует, во-первых, формализованные и институционализированные структуры, поддерживающие социальный порядок и обеспечивающие безопасность граждан; во-вторых, строго не фиксируемые, замещающие продуктивную социально-практическую деятельность и приближенные к недоверию формы и методы, связанные с имитацией деятельности. Но существование данных структур, использование этих форм и методов усиливает социальную тревожность и недоверие в российском обществе.

9. Социальным последствием институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современном российском обществе является формирование кентаврообразной модели «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, его имитирующее. В рамках этой модели признаки доверия и недоверия не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить. Порожденные в результате симулятивные формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия, решая задачи социального маневрирования, приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов. Содержание этой кентаврообразной модели «доверие-недоверие» преуменьшает деятельностный, коммуникативный и конструктивный потенциал доверия, что сдерживает возможности достижения стабильности и динамичности развития социальных практик, связанных с доверием.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная, с одной стороны, на продолжение трансформаций традиционных социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма и формирования своевременной и адекватной реакции на требования гражданского общества, с другой – на расширение среды гражданского общества. Это осуществимо путем увеличения разнообразных, выступающих в роли альтернатив традиционным институтам форм общественной самоорганизации и гражданского активизма, их легитимации и превращения в самостоятельные институциональные формы. Последнее возможно, поскольку организационные паттерны разных форм гражданских инициатив становятся все более формализованными, институционально заданными, «встраиваемыми» в плотную институциональную среду. Это означает, что в современном российском обществе вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в разработке методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества. На основании этого конструкта создана социально-философская концепция доверия и недоверия, в рамках которой доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Социально-философская концептуализация доверия и недоверия как социальных практик российского общества позволяет рассмотреть их трансформацию под воздействием экзогенных и эндогенных факторов. Теоретические результаты диссертационного исследования могут быть использованы в качестве методологических и объяснительных конструктов, используемых для дальнейших исследований трансформационных процессов в социальных практиках российского общества.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы для разработки нормативных стратегий функционирования и трансформационных изменений российского общества, учтены в решении определенного спектра общественных проблем при разработке моделей эффективного социального управления и составлении социальных программ, учитывающих социально-нормативную значимость и социальный эффект доверия. Основные положения исследования могут быть применимы в процессе преподавания курсов социальной философии, политологии, социологии, социальной психологии, а также теории организации.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах и выступлениях на международных и всероссийских научно-практических конференциях в 2009-2016 гг. В частности, на Международной научно-практической конференции «Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI в.» (г. Ставрополь, 12 декабря 2009 г.);

Первой Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования» (г. Ростов н/Д., 24–26 ноября 2010 г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 28 апреля–20 мая 2011г.); Всероссийской научно-практической конференции «Качество жизни как фактор формирования гражданского общества» (г. Волгоград, 6–7 октября 2011 г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 28 апреля–22 мая 2012г.); Международной научно-практической конференции «Управление современным инновационным обществом: модернизация и развитие (экономические, социальные, философские, правовые аспекты)» (г. Саратов, 8 октября 2012 г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 13–28 мая 2013г.); Всероссийской научной конференции молодых ученых «Современные тенденции развития социально-экономических исследований» (г. Ростов н/Д., 20 июня 2013 г.); V Международной научно-практической конференции «Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений» (г. Саратов, 16 апреля 2014 г.); Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (г. Ростов н/Д., 6–9 апреля 2015 г.); Международной научной конференции «Научное обеспечение регионального развития» (г. Ростов н/Д., 23–24 апреля 2015 г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 29 апреля–28 мая 2014г.); Международной научно-практической конференции «Российское образование: проблемы, векторы и ориентиры развития» (пос. Персиановский: Донской ГАУ, 4 февраля 2015г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 13–29 мая 2015г.); II Международной научно-практической конференции «О вопросах и проблемах современных общественных наук» (г. Челябинск, 8 июля 2015г.); Всероссийской конференции «Межэтнические отношения и национальная политика в

современной России» (22–23 октября 2015 г., г. Ростов н/Д); Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (г. Ростов н/Д., 5–6 апреля 2016 г.); Всероссийской конференции «Нацестроительство и модели национальной интеграции в России» (г. Ростов н/Д., 14–15 апреля 2016 г.); Всероссийской конференции «Патриотизм – национальная идея России» (г. Ростов н/Д., 28–29 апреля 2016 г.); Всероссийской научной конференции «Научно-техническое обеспечение АПК Юга России» (г. Зерноград, 12–27 мая 2016 г.).

Теоретические положения диссертационного исследования были апробированы при чтении учебного курса «Социология и политология» и авторского курса «Актуальные проблемы антропологии и социальной философии» для студентов разных факультетов Азово-Черноморского инженерного института ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде.

По теме диссертации автором опубликованы 52 научные работы, в том числе 4 монографии, 22 статьи – в изданиях из списка ВАК. Общий объем публикаций составляет 49 п.л.

Структура диссертации. Диссертация включает введение, четыре главы, состоящие из 12 параграфов, заключение и библиографический список. Данная структура отражает последовательность решения поставленных в работе задач.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет, гипотеза исследования, формулируются пункты научной новизны и основные положения, выносимые на защиту, освещается теоретическая и практическая значимость исследования, его апробация и структура.

В главе 1 «Теоретико-методологические проблемы научных исследований доверия и недоверия как социальных практик» рассматриваются подходы к исследованию доверия и недоверия в российском обществе; доверие и недоверие категорируются как социальные практики, а также разрабатывается методологический конструкт трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

В параграфе 1.1. «Доверие и недоверие в российском обществе как предмет научных исследований» выявляется дисциплинарная специфика изучения доверия и недоверия в российском обществе. Отмечается, что накопленные в дискурсивных практиках представления о доверии и недоверии в российском обществе носят общетеоретический характер и базируются на точке зрения, что недоверие формируется и развивается в условиях снижения доверия, а также его кризиса. Специалисты, как правило, не стремятся оценивать недоверие сугубо отрицательным образом и противопоставлять доверию. С одной стороны, недоверие постепенно превращается в весомую составляющую массового сознания россиян; с другой стороны, в российском обществе появляется потребность в укреплении межличностного, в частности внутрисемейного и дружеского доверия. Доверие и недоверие являются предметом дискуссий, в частности, относительно их детерминант. Выделяются детерминанты микросоциального и макросоциального уровня, определяющие доверие/недоверие межличностное, институциональное и обобщенное (социальное). Однако, вне поля зрения специалистов, как правило, остается взаимосвязь между доверием и недоверием. Фрагментарный характер представлений о доверии и недоверии в российском обществе можно трактовать как недостаток исследовательских практик, обусловленный разницей парадигмальных подходов. В параграфе сделан вывод, что различные представления о доверии и недоверии как социальных явлениях обусловлены методологическими предпочтениями тех или иных авторов. Доверие и недоверие как ментальные установки и социальные практики российского

общества еще не выступали предметом социально-философского осмысления, предполагающего их рассмотрение как целостной социальной реальности.

В параграфе 1.2. «Категоризация доверия и недоверия как социальных практик» отмечается, что в дисциплинарных научно-исследовательских практиках доверие и недоверие изучаются в рамках тех или иных парадигмальных подходов. С точки зрения социально-психологического подхода доверие или недоверие рассматриваются как субъективная установка, предопределяющая отношение индивида, степень его предрасположенности к социальному объекту, связанную с определенным способом восприятия мира и предшествующую той или иной деятельности. Сторонниками ценностного подхода доверие или недоверие рассматриваются как возникающее у членов общества ожидание определенного, соответствующего нормам поведения со стороны других людей. В рамках реляционистского подхода доверие понимается в узком смысле как субъективное отношение к партнеру по взаимодействию, основанное на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности; в широком смысле – как принцип конструирования социальных отношений, обеспечивающий их стабильность, долгосрочность, социальную консолидацию, социальную целостность. В рамках деятельностного подхода доверие или недоверие коррелируется с социетальными действиями, связанными с калькуляцией выгод и возможных поведенческих рисков. Деятельностный подход, переосмысленный в русле теорий социальных коммуникаций, характеризует доверие и недоверие с точки зрения совместной деятельности субъектов в процессе социальных коммуникаций микро- и макросоциального уровня. В рамках институционального подхода доверие или недоверие трактуется как неформальные правила человеческого поведения, которые могут выступать универсальной нормой во всех сферах человеческой деятельности и вследствие институционализации принимать форму неформального института. В структурно-функциональном подходе рассматриваются взаимосвязанные и взаимодействующие между собой структурные компоненты доверия и

недоверия. Структура доверия и недоверия включает совокупность таких компонентов и признаков, как эмоционально-нравственный, когнитивный, коммуникативный, поведенческий/деятельностный, ценностный, образующих доверие и недоверие как целостную социальную реальность. Будучи целостным социальным явлением, доверие и недоверие выполняют деятельностную, коммуникативную и конструктивную социальные функции. По итогам исследования, проведенного в данном параграфе, делается вывод, что данные функции составляют социально-практический инструментарий доверия и недоверия, что выводит социально-философское исследование доверия и недоверия на уровень социальных практик. Социальные практики определяются как репертуары совершаемых субъектами социальных действий и взаимодействий, обеспечивающие устойчивое функционирование либо трансформацию социальных институтов и порождающие новые социальные институты.

В параграфе 1.3. «Методологический конструкт трансдисциплинарного исследования доверия и недоверия как социальных практик российского общества» отмечается, что в условиях методологического плюрализма изучение доверия и недоверия как социальных практик российского общества предполагает разработку методологического конструкта трансдисциплинарного научного исследования, направленного на преодоление дисциплинарной фрагментарности и парадигмальной ограниченности с целью метатеоретического обобщения результатов научных исследований на основании принципа синкретизма в изучении доверия и недоверия. С точки зрения этого принципа доверие и недоверие рассматриваются как синкретическое целостное многомерное и многофункциональное явление. Доверие сопровождается недоверием, которое проблематизирует сущность и тем самым, осложняет функционирование доверия. Основанием разработки такого методологического конструкта является неоклассическая модель научного исследования, синтезирующая позитивные познавательные установки классической и неклассической науки.

В рамках данного методологического конструкта доверие и недоверие синкретически рассматриваются как ментальные установки, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики, то есть репертуары социальных действий и взаимодействий. Доверие и недоверие как ментальные установки выполняют функцию когнитивного медиатора между институциональной средой и социальными практиками. Благодаря этому медиатору институты как нормы превращаются в когнитивные образования, обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики.

В параграфе делается вывод, что доверие и недоверие как социальные практики можно определить как репертуары социальных действий и взаимодействий, обусловленные экзогенными (институциональной средой) и эндогенными (ментальными установками индивидов и социальных групп) факторами. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества изучаются с точки зрения факторов их трансформации на двух основных уровнях – микросоциальном и макросоциальном, рассмотренных синкретично. Микросоциальный уровень включает личностное (межличностное), макросоциальный уровень – институциональное, организационное, генерализированное (обобщенное, социальное, системное) доверие и недоверие.

Во второй главе «Экзогенные и эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества» устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик и выявляются факторы их трансформации в условиях российского общества.

В параграфе 2.1 «Теоретико-методологические проблемы изучения трансформации доверия и недоверия как социальных практик» устанавливается, что трансформация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как преобразование доверия и недоверия как ментальных установок, обуславливающих доверие и недоверие как социальные практики, которые являются частью трансформационной структуры общества.

В рамках синтеза социокультурного подхода (Н.С. Лапин), объективистского (С.Г. Кирдина) и структурно-деятельностного субъективистского (Т.И. Заславская, С.А. Кравченко, Л.А. Беляева) вариантов деятельностного подхода трансформационную структуру общества можно представить как включающую в себя, с одной стороны, устойчивые базовые институциональные структуры, с другой стороны, систему социальных субъектов, структурирующих гражданское общество. Социальные практики, являясь репертуарами социальных действий и взаимодействий, выступают частью механизма социальной трансформации в условиях нелинейной социокультурной динамики сложного общества и напряжения социального пространства. Поэтому в трансформационной социальной структуре имеются основания для воспроизводства как доверия, так и недоверия. По итогам исследования, проведенного в данном параграфе, делается вывод, что трансформация доверия и недоверия как социальных практик связана как с изменениями в институциональной среде, так и охватом системы ментальных установок субъектов.

В параграфе 2.2. «Экзогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества» в качестве этих факторов рассматриваются социальное неравенство по целому ряду значимых социальных показателей, степень полезности и эффективности социальных институтов, воздействие СМИ. Ключевым фактором является высокий уровень социального неравенства. Неравенство, усугубляясь возрастающей социально-экономической дифференциацией, разрушает основания гражданской солидарности, нравственные устои общественного единения и национального согласия, порождает социальную апатию, пассивность, интолерантность, конфронтационность, резкий разрыв между обществом и властью (М.К. Горшков). В условиях разрыва доминируют архаичные неформальные практики, альтернативно замещающие имеющиеся институциональные практики. Соответственно закрепляются неформальные компоненты доверия в ущерб формальным институциональным. Недоверие выступает как

существенный элемент индивидуального и массового сознания россиян, влияющий на поведенческие практики, обнаруживается как в неформальных практиках межличностного взаимодействия, так и институционализированных социальных практиках, причем в большей мере это касается последних.

Отмечается, что для российского общества характерно наличие обратной зависимости между радиусом и показателем уровня. Высокий для России, но недостаточный по европейским меркам уровень межличностного доверия объясняется следующими причинами: «травмой трансформации» (П. Штомпка) как комплексом шоковых дисфункциональных последствий коренных изменений 90-х гг.; воздействием реальных и мифологизированных образов достижения стремительного успеха, основанного на нарушении этических и правовых норм, когда практики доверия стали рассматриваться либо как слишком большой риск, либо как препятствие; неформальным характером большинства социальных сетей. Низкий уровень институционального доверия объясняется также рядом причин, среди которых: неэффективность и забюрократизированность многих социальных институтов, соответственно – альтернативная замена неэффективных институциональных более эффективными «простыми» неформальными практиками (Н.Н. Зарубина, Ч.К. Ламажаа); рост коррупции и правовой безнаказанности нарушителей законов, облеченных властью; персонификация властных институтов в массовом сознании. Соответственно – неадекватно высок уровень «персонифицированного» доверия. Сделан вывод, что экзогенные факторы оказывают влияние на доверие и недоверие как социальные практики опосредованно, через ментальные программы индивидов, которые можно рассматривать в качестве эндогенных факторов.

В параграфе 2.3. «Эндогенные факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик российского общества» в качестве таковых рассматривается обусловленный современной социокультурной ситуацией и связанный с индивидуальным и общественным сознанием комплекс ментальных поведенческих программ, когниций, ценностей, норм,

находящий выражение прежде всего в ментальных установках. Доверие и недоверие как ментальные установки являются когнитивным медиатором между институциональной средой и социальными практиками.

Отмечается, в российских институциональных и социальных условиях возникают размытость, неоднородность, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социальных настроений; «перманентный раскол» (Ж.Т. Тощенко) общества в равных пропорциях на тех, кто считает приемлемым настоящий социальный порядок и политический курс, и тех, кто настроен по отношению к ним негативно. Все это сокращает перспективы достижения общенационального согласия и, соответственно, проблематизирует развитие институционального доверия в социальных практиках макросоциального уровня. Трансформирующаяся нормативно-ценностная система российского общества характеризуется антиномией, которая выражается в том, что вместе с востребованностью традиционных ценностей (искренности, честности, доброжелательности, бескорыстия, готовности помогать друг другу), выступающих в том числе основаниями доверия, получили распространение полярные им ценности (индивидуализм, эгоизм, корысть, стремление к быстрой наживе) и построенные на «псевдодоверии» социальные практики мошенничества, обмана, жульничества. Современные российские реалии, а также доминирующие общественные установки противоречат традиционным нравственным ценностям и нормам российского цивилизационного проекта, способствуют его размыванию, порождают неверие в возможность реализации в России в ближайшие десятилетия даже базовых принципов социальной справедливости. Данное обстоятельство, в свою очередь, актуализирует для большинства населения рост ценностей микроуровня, а в условиях негативных социально-политических и социально-экономических факторов сегодняшнего времени – также «доминирование в числе этих ценностей простейших, базовых для выживания потребностей» (П.М. Козырева). Доверие и недоверие в таких условиях приобретают такие характеристики, как неоднозначная социально-

смысловая наполненность, размытость, фрагментарность и ситуативность. Результатом трансформационных процессов являются «антиномии общественного сознания» (Ж.Т. Тощенко). Их составной частью выступает антиномия доверия и недоверия. По итогам исследования, проведенного в данном параграфе, антиномия доверия и недоверия определяется как реально существующая коллизия, в которой доверие и недоверие, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой стороны, находятся в синкретическом единстве в конкретных социальных условиях и ситуациях.

В третьей главе «Доверие и недоверие как ментальные установки: специфика трансформации в российском обществе» устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок, показывается их трансформация от советского к постсоветскому обществу и выявляется специфика доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе.

В параграфе 3.1. «Теоретико-методологические проблемы изучения доверия и недоверия как ментальных установок» отмечается, что доверие, формируясь на этапе первичной социализации в раннем детском возрасте (Э. Эрикссон) в качестве установки, то есть неосознанной предрасположенности и осознанной готовности субъекта к действию, на завершающем этапе первичной социализации диффузирует в доверие и недоверие как ментальную установку, обуславливающую социальные практики на микро- и макроуровне социального взаимодействия.

На микроуровне, в межличностных взаимодействиях важную роль играет эмоциональный компонент в структуре доверия и недоверия. Соответственно большое значение имеет эффективное управление эмоциональной составляющей доверия с целью создания положительного впечатления о себе, тем самым преодолевая и/или минимизируя недоверие. Это возможно при условии сочетания совокупности эмоциональных, рациональных и эмоционально-рациональных факторов, таких как аттракция, ассертивность, фасцинация, предрасположенность к конформизму и коллективизму. К

неблагоприятным эмоционально-психическим состояниям, осложняющим доверительное взаимодействие, относится фрустрация. По мере взросления индивида круг агентов и институтов социализации расширяется, усиливается влияние средств массовых коммуникаций и Интернета, что создает новые возможности для моделирования доверия и недоверия с помощью механизмов аттрактивности (привлекательности) как «обольщения» (Ж. Липовецки), соблазна богатством выбора из изобилия потребительских благ и услуг, стимуляции новых потребительских запросов. В информационном обществе формируется коммуникативное доверие как составная часть коммуникативного сознания, способствующая достижению эффективности социальной коммуникации и формированию коммуникативной идентичности как одного из качеств коммуникативной личности, т.е. личности, обладающей компетенциями социального коммуникатора⁵⁰. В случае, когда личностная коммуникация заменяется виртуальной формой, возникают виртуальное доверие и недоверие, размывающие коммуникативную идентичность, что осложняет процессы социализации. Возникают и развиваются по нарастающей новые компоненты доверия и недоверия как ментальной установки, среди них – рискогенная составляющая, проявляющаяся в недоверии к информации, перегруженности ею, проблеме безопасности личных данных, возможности манипулирования сознанием. Возрастают риски, а значит, трансформируется доверие и недоверие. Таким образом, доверие и недоверие как ментальная установка, обуславливая социальные практики, определяет стратегию поведения индивидов и социальных групп на микро- и макроуровне социального взаимодействия.

В параграфе 3.2. «Трансформация доверия и недоверия как ментальных установок: от советского к постсоветскому обществу» отмечается, что истоки формирования доверия и недоверия как ментальных установок в современном российском обществе закладывались в советском

⁵⁰ Курбатов В.И. Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–104.

прошлом. Это было обусловлено детерминантами экономического, геополитического, идеологического, психологического и социокультурного порядка, которые формировались в тесном взаимодействии друг с другом. Взаимосвязанными, в частности, являлись экономические и геополитические детерминанты экономического отставания СССР. Детерминантами идеологического характера являлись ведущие антитезы «советский патриотизм-образ врага»; а также «уверенность в завтрашнем дне. Среди психологических и социокультурных детерминант доминировала антитеза «свой-чужой». Распространяются «псевдодоверие» и «псевдонедоверие» как «неподлинные» (А. Б. Купрейченко) формы, суррогаты, замещающие доверие формами «помощи», «услуги», обесценивающими эмоционально-нравственные доминанты «подлинного» доверия. В результате уже в советском обществе существовала дихотомия «доверие-недоверие», в рамках которой доверие и недоверие являлись относительно самостоятельными ментальными установками.

В 90-х гг. в рамках данной дихотомии наблюдался рост недоверия и, соответственно, угасание доверия, что было обусловлено переломными социальными обстоятельствами и стрессом от быстрых социальных перемен. В 2000-е годы некоторый рост доверия был обусловлен более высоким (относительно 90-х гг.) уровнем социального самочувствия и довольно быстрыми темпами освоения новых ценностей (П.М. Козырева). В межкризисные 2000-2008 гг. основаниями доверия как ментальной установки являлись: умеренный социальный оптимизм как ощущение устойчивости позитивных перемен в частной жизни и некоторой уверенности в будущем; ломка прежних стереотипов массового сознания из-за того, что приобретения, связанные со становлением рыночных отношений и демократии, казались людям более значимыми, чем потери, обусловленные отказом от принципов социализма и советского образа жизни; обеспечение внутривосточной стабильности и укрепление внешнеполитических позиций страны. Недоверие как ментальная установка в 2000-е годы также обуславливалась несколькими

обстоятельствами и факторами. Во-первых, сохраняющаяся неудовлетворенность населения государственным управлением в социально значимых сферах. Во-вторых, частично сохранившиеся как наследие советского прошлого, а также появившиеся в 2000-е гг. новые социально-психологические механизмы, среди которых: вытеснение или перенесение собственного опыта унижения и насилия на символического Другого и проекция на него собственных негативных черт, с чем связан и рост ксенофобий; трансфер заложничества, связанный с превращением собственного страха и неспособности к деятельности в агрессию, направленную на Другого, выступающего с более высокими претензиями и идеалами; ресентимент как перенос, проекция собственных комплексов и вины за собственные неудачи на Другого; связанный с духовным отчуждением кризис индивидуальной, социально-групповой и общенациональной идентификации. В параграфе сделан вывод, что трансформация доверия и недоверия как ментальных установок в российском обществе происходила поэтапно, и каждый этап характеризовался своей спецификой.

В параграфе 3.3. «Доверие и недоверие как ментальные установки современного российского общества» показано, что современный этап российского общества характеризуется, с одной стороны, наличием проблем, оставшихся от советского и постсоветского прошлого, с другой – появлением новых трудностей и противоречий трансформирующегося общества, которые становятся составляющими повседневных социальных практик, где усиливается недоверие. Существенная причина социального беспокойства, пессимизма и недоверия как установок общественного сознания – идеологические и духовно-нравственные разочарования и потери. Отсутствие общественного идеала компенсируется идеализацией советского прошлого. Современное российское общество по мере трансформационных изменений является все более сегментированным, распадается на отдельные пространственно-временные анклавов, где происходят разнонаправленные социальные процессы, несовпадающие и по темпоральным характеристикам.

Действие неблагоприятных тенденций накладывается на негативный личный опыт и выступает в качестве фактора, подрывающего социальный оптимизм как основание доверия. Все это придает специфику доверию и недоверию как ментальным установкам, в содержании которых недоверие обладает дезинтеграционным потенциалом.

В современном российском обществе намечается тренд на формирование независимой и активистской социальной доминанты, который представлен несколькими ее ресурсами, создающими перспективу развития доверия как «основания консолидации российского общества» (В.В. Кривопусков). С одной стороны, в числе ресурсов доверия отмечены следующие: все еще сохраняющиеся на основе признаков солидарности и общности моральных ориентиров тенденции к общегражданской интеграции и формированию общегражданских ценностей; актуализация запроса на справедливое и разумно устроенное общество; формирование «креативного класса» (Ю.Г. Волков) и новой социальной группы «самодостаточные россияне» (М.К. Горшков), способных стать социальной опорой для стабильного и устойчивого общественного развития, выполнить функцию социальной поддержки модернизации и повысить «градус» доверия на всех его уровнях; возможность консолидации общества вокруг властных институтов вследствие усиления внешней угрозы в условиях внешнеполитического кризиса; рост ценностей микроуровня, постепенно завоевывающих позиции основания общественной ценностно-нормативной системы. С другой стороны, по итогам исследования в данном параграфе высказано предположение, что в экономических условиях западных санкций, спада экономики и других негативных факторов будет расти недоверие, поскольку доминирование в числе ценностей простейших, базовых для стабильного выживания потребностей характеризует рост пессимизма социальных настроений и установок россиян.

В четвертой главе «Институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе» устанавливаются теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и

недоверия как социальных практик, показывается ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации, раскрываются социальные последствия институционализации доверия и недоверия как социальных практик в современном российском обществе.

В параграфе 4.1. «Теоретико-методологические проблемы изучения институционализации доверия и недоверия как социальных практик» показано, в рамках синтеза нормативной и когнитивной концепций социальных институтов, а также неинституционального деятельностного подхода социальные практики могут рассматриваться как репертуары социальных действий, во-первых, обусловленные институтами как формальными и неформальными нормами социального взаимодействия; во-вторых, связанные с интернализацией (интериоризацией) институтов путем их интерпретации, то есть перевода институтов как норм в институты как когнитивные образования, лежащие в основе социальных интеракций, а также с переинтерпретацией институтов как когнитивных образований в процессе социальных интеракций; в-третьих, связанные с обратным процессом – экстернализацией институтов как когнитивных образований в институты как старые или новые нормы⁵¹.

Поэтому институционализация доверия и недоверия как социальных практик может рассматриваться как процесс превращения институтов как норм в институты как когнитивные образования, непосредственно обуславливающие доверие и недоверие как социальные практики. Устойчивые неформальные институты как нормы превращаются в институты как когнитивные образования путем прохождения интернализации в процессе социальных интеракций. В результате экстернализации ментальные установки становятся основаниями репертуаров социальных действий, которые трансформируют старые или порождают новые элементы социального порядка, в том числе социальные

⁵¹ Лубский А.В. Социология жизни: методологические проблемы исследования социальных практик // В сб. «Социология жизни: теоретические основания и социальные практики». Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 38.

практики, а также изменяют институциональную среду. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик осуществляется в ходе неформальных институциональных практик, подкрепляемых формальными нормативными ограничениями. В итоге указано, что когнитивные институты, представляя собой ментальные установки, обуславливают как формальную, так и неформальную институционализацию доверия и недоверия как социальных практик. При этом неосознанные структуры ментальных установок, действующие на микроуровне, лежат в основе повседневных, многократно повторяющихся и опривыченных социальных практик. Осознанные структуры ментальных установок определяют доверие и недоверие как социальные практики на макросоциальном уровне.

В параграфе 4.2. «Ангажированность доверия и недоверия как социальных практик в процессе их институционализации в российском обществе» отмечается, что доверие и недоверие характеризуются ангажированностью/ «вовлеченностью», обусловленной сознательно выбираемой социальной позицией на микро- и макросоциальном уровне социального взаимодействия. На микросоциальном уровне доверие ангажировано в сетевых структурах с небольшим радиусом отношений (семейных, клановых, дружеских), связанных с повседневными неформальными практиками использования личных контактов для получения доступа к ресурсам, связанным с социальными институтами образования, здравоохранения и другими, направленными на решение задач, формирующих траекторию жизненного пути индивида.

На макросоциальном уровне современного российского общества доминирует высокое персонифицированное доверие к первому лицу государства, а также институциональное доверие по отношению к таким институтам, как церковь и армия. По отношению к первому лицу доверие является ангажированным под влиянием, во-первых, сакрального, традиционного, мифологизированного отношения к власти, во-вторых, авторитета социального статуса как высшей социальной позиции; в-третьих,

отсутствия альтернативного выбора. Высокое доверие к церкви, во-первых, является свидетельством относительной «нейтральности» этого института; во-вторых, православие выступает в числе возможных объединительных национальных идей; в-третьих, церковь остается носителем связанных с доверием высоких моральных смыслов и ценностей. Однако в отношении к церкви просматривается структура двоемыслия («атеизм на деле» и «безбожие в помыслах и делах»), и доверие к ней отчасти является замещением фрустрирующего социального опыта. Доверие к оккультным практикам, обращение людей к мистике, сектантству также «замещает» недоверие к церкви. Рост доверия к армии подкрепляется «отголосками» патриотизма советских времен; формальными нормами со стороны государства; «всплеском патриотизма» на волне «посткрымского консенсуса» и военных успехов последнего времени. Барьеры для институционализации доверия как социальной практики в отношении других формальных государственных институтов (судебная система, полиция, муниципальные органы власти) задаются недоверием, обусловленным фактом наличия негативного опыта взаимодействия граждан с большинством этих институтов.

Ангажированность недоверия обуславливается также возрастающей потребностью в безопасности и обеспечении социального порядка. В этой ипостаси недоверие выступает, с одной стороны, в качестве блокиратора опасности нарушения доверия, с другой – в качестве своеобразного гаранта безопасности. Общество, будучи априори уверенным, что социальный порядок может быть нарушен, заранее блокирует возможности этого нарушения и конструирует формализованные и институционализированные структуры, поддерживающие социальный порядок и обеспечивающие безопасность граждан. К ним относятся: процедурные и документальные формы-фильтры, институционализированные формы, а также специализированные институты легального недоверия и насилия⁵². Кроме формализованных, существуют

⁵² Гудков Л.Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 21–24.

также строго не фиксируемые, приближенные к недоверию и замещающие продуктивную социально-практическую деятельность формы и методы, связанные с имитацией. Среди них - демагогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием и поведением людей, иллюзии, перформанс (Ж.Т. Тощенко), а также социальная мимикрия и откровенная ложь. В заключение параграфа обосновывается, что существование данных структур, использование этих форм и методов усиливают социальную тревожность и недоверие в российском обществе.

В параграфе 4.3. «Институционализация доверия и недоверия как социальных практик: социальные последствия в современном российском обществе» показано, что процессы институционализации доверия и недоверия как социальных практик в последние десятилетия повлекли за собой ряд социальных последствий в современном российском обществе. Низкий уровень доверия абсолютному большинству институтов и, в частности, политическим институтам современного российского общества свидетельствует о наличии очень высокой отчужденности людей и недоверия к политике. Однако такое внутреннее негативное отношение сочетается с внешним лояльным поведением, как результатом нормативной рационалистической установки на доверие («не высовываться» «не противоречить власти»), перенесенной из советских времен. Такой активный перенос, удержание и консервирование социальных практик объясняется консервативной институциональной средой.

Внутреннее недоверие к большинству социальных институтов в сочетании с внешним церемониальным доверием образуют своеобразную кентаврообразную модель «доверие-недоверие», в которой под симулякрами доверия скрывается недоверие, имитирующее доверие. В рамках этой модели признаки доверия и недоверия не являются принципиально дифференцированными, они взаимодействуют, сочетаются и взаимопроникают друг в друга таким образом, что их трудно разграничить. Порожденные в результате этого взаимодействия симулятивные формы квази- и псевдодоверия пытаются совместить сущности и доверия, и недоверия, решая задачи

социального маневрирования, приспособления к сложившемуся порядку господства властных институтов. Кентаврообразная модель «доверие-недоверие» становится одним из оснований модальной модели личности как наиболее распространенного в данной социокультурной среде и конкретно-исторических условиях типа личности, воспроизводящего осознанное социальное поведение индивидов.

В таких условиях наиболее приемлемой для современного российского общества является стратегия, ориентированная, во-первых, на продолжение трансформаций традиционных социально-политических институтов в русле преодоления их консерватизма и формирования мобильной реакции на требования гражданского общества; во-вторых, на расширение среды гражданского общества. Последнее возможно за счет увеличения разнообразных выступающих в роли альтернатив традиционным институтам форм общественной самоорганизации, их легитимации и превращения в самостоятельные институциональные формы. Организационные паттерны некоторых форм гражданских инициатив становятся все более формализованными, институционально заданными и «встраиваются» в плотную институциональную структуру. Это означает, что вырабатывается механизм институционализации доверия и недоверия как социальных практик. Формирующийся на принципах социальной справедливости и доверия своеобразный «альянс» обновленных традиционных социально-политических институтов и способных влиять на государство и взаимодействовать с ним форм общественной самоорганизации будет работать в направлении создания баланса социальных интересов. В свою очередь, это позволит преобразовать кентаврообразную модель «доверие-недоверие», снизив «градус» недоверия для того, чтобы достичь необходимого баланса оптимальных уровней доверия и недоверия.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и излагаются основные выводы, сформулированные автором в результате изучения доверия и недоверия как социальных практик российского общества.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Монографии

1. *Глушко И.В.* Социологические экспозиции доверия в обществе / Государство, право, общество: монография // Под общ. ред. Н.В. Барановой, В.Е. Костина. Пенза: РИО ПГСХА, 2010. (12.79 п.л. / 2 п.л.).

2. *Глушко И.В.* Деловые отношения и социальное доверие: факторы, риски и возможности измерения / Проблемы социально-экономического развития общества: монография // Л.А. Бурняшева, Л.Х. Газгиреева, И.В. Глушко, Т.В. Городова, Е.В. Курушина, И.В. Минакова и др. Saint-Louis, MO: Publishing House «Science & Innovation Center», 2013. (13.8 п.л. / 1.3 п.л.).

3. *Глушко И.В.* Методология исследования социального феномена доверия / И.В. Глушко. Зерноград: Изд-во РИО ФГБОУ ВПО АЧГАА, 2013. (12.6 п.л.).

4. *Глушко И.В.* Доверие и недоверие как социальные практики российского общества / И.В. Глушко. Ростов н/Д: Изд-во «Фонд науки и образования», 2016. (14 п.л.).

Публикации в изданиях, включенных в список ВАК РФ:

5. *Глушко И.В.* Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе / И.В. Глушко // Теория и практика общественного развития. 2010. №2. (0.55 п.л.).

6. *Глушко И.В.* Проблема социального доверия в условиях глобальной коммуникации / И.В. Глушко // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. №4. (0.57 п.л.).

7. *Глушко И.В.* Роль социального доверия в организации политического дискурса / И.В. Глушко // Вестник Волгоградского госуниверситета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. №1. (0.8 п.л.).

8. *Глушко И.В.* Доверие как феномен повседневности / И.В. Глушко // Научная мысль Кавказа. 2011. №1. (0.4 п.л.).

9. *Глушко И.В.* Многозначность феномена социального доверия и

методология его исследования / И.В. Глушко // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. №3. (0.5 п.л.).

10. *Глушко И.В.* Социальное доверие в контексте модернизации общества / И.В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №5: В 2-х ч. Ч. I. (0.5 п.л.).

11. *Глушко И.В.* Понятийная дихотомия «доверие-недоверие» в контексте мультиметодологии / И.В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №6: В 2-х ч. Ч. II. (0.5 п.л.).

12. *Глушко И.В.* Социальное доверие: концепт и структура // Философия права. Научно-теоретический журнал. 2013. №5. (0.5 п.л.).

13. *Глушко И.В.* Социальные практики как пространство социального доверия: проблемы, парадоксы и антиномии / И.В. Глушко // Философия права. Научно-теоретический журнал. 2013. №6. (0.5 п.л.).

14. *Глушко И.В.* Социальное недоверие: мультиметодологический подход к исследованию / И.В. Глушко // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. 2014. №1. (0.4 п.л.).

15. *Глушко И.В.* Социальное доверие в контексте межличностных отношений / И.В. Глушко // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. 2014. №2. (0.4 п.л.).

16. *Глушко И.В.* Социальное доверие как неформальный ресурс организации / И.В. Глушко // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. 2014. №3. (0.55 п.л.).

17. *Глушко И.В.* Систематизация научных подходов исследования феномена доверия в отечественной и зарубежной социологии (библиографический анализ) / И.В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6: В 2-х ч. Ч. II. (0.67 п.л.).

18. *Глушко И.В.* Проблема доверия в контексте «общества риска» / И.В.

Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7: В 2-х ч. Ч. I. (0.6 п.л.).

19. Глушко И.В. Социальное доверие: проблема измерения и экономической оценки / И.В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №7: В 2-х ч. Ч. II. (0.54 п.л.).

20. Глушко И.В. Гносеологический потенциал доверия // И.В. Глушко / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8: В 2-х ч. Ч. II. (0.4 п.л.).

21. Глушко И.В. Методологические основания и категориально-парадигмальный схематический конструкт анализа социального феномена доверия / И.В. Глушко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9: В 2-х ч. Ч. I. (0.5 п.л.).

22. Глушко И.В. Ангажированность недоверия в условиях транзитивных социальных отношений / И.В. Глушко // Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. 2015. №3. (0.5 п.л.).

23. Глушко И.В. Методологический конструкт многомерного научного исследования доверия / И.В. Глушко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. №4. (0.5 п.л.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/6135>

24. Глушко И.В. Факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе / И.В. Глушко // Гуманитарий Юга России. 2016. №4. (0.5 п.л.).

25. Глушко И.В. Доверие и недоверие как ментальная установка в российском обществе / И.В. Глушко // Социально-гуманитарные знания. 2016. №7. (0.4 п.л.).

26. Глушко И.В. Институционализация доверия и недоверия как

социальных практик в российском обществе/ И.В. Глушко // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. 2016. №7. (0.4 п.л.).

Другие издания:

27. *Глушко И.В.* Трансформация ценностных ориентаций в социокультурном пространстве современной России / И.В. Глушко // Актуальные проблемы обществознания: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Зерноград: Изд-во ФГОУ ВПО АЧГАА, 2007. (0.3 п.л.).

28. *Глушко И.В.* Теория «социокультурных суперсистем» П. Сорокина и анализ социальных трансформаций современного российского общества / И.В. Глушко // Государственное регулирование социально-экономических процессов в условиях глобального кризиса: материалы Междунар. науч.- практ. конф. (30 марта 2009 г., г. Саратов) В 2-х ч. Ч.1. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2009. (0.45 п.л.).

29. *Глушко И.В.* Роль политической рекламы в осуществлении социокультурного диалога / И.В. Глушко // Человек. Культура. Общество: Сборник статей Международной научно-практической конференции (май 2009 г., г. Пенза). Пенза: Приволжский Дом знаний, 2009. (0.25 п.л.).

30. *Глушко И.В.* Социальный диалог как форма выражения феномена социального доверия / И.В. Глушко // Актуальные проблемы обществознания: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Зерноград: Изд-во РИО ФГОУ ВПО АЧГАА, 2009. (0.3 п.л.).

31. *Глушко И.В.* Социальное доверие как условие развития социальной коммуникации в современном обществе / И.В. Глушко // Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI в.: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (12 декабря 2009г., г. Ставрополь). Изд-во ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет, 2009. (0.3 п.л.).

32. *Глушко И.В.* Нравственный аспект формирования культуры доверия в обществе / И.В. Глушко // Проектирование образовательных пространств, систем и технологий обучения и воспитания в условиях непрерывного педагогического образования: материалы Региональной науч.-практ. конф.

Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. (0.5 п.л.).

33. Глушко И.В. Осмысление феномена доверия в отечественной философской мысли / И.В. Глушко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. М., 2010. (0.35 п.л.).

34. Глушко И.В. Духовно-нравственные смыслы социального доверия // / И.В. Глушко // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. (24–26 ноября 2010 г., г. Ростов н/Д). Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. (0.45 п.л.).

35. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития / И.В. Глушко // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. Краснодар, 2011. № 1–2. (0.4 п.л.).

36. Глушко И.В. Категория «доверие» в контексте социальных практик гражданского общества / И.В. Глушко // Качество жизни как фактор формирования гражданского общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (6–7 октября 2011 г., г. Волгоград). Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. (0.25 п.л.).

37. Глушко И.В. Повседневный дискурс социального чувства недоверия /И.В. Глушко // Актуальные проблемы обществознания: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 11. Зерноград: Изд-во ФГБОУ ВПО АЧГАА, 2011. (0.25 п.л.).

38. Глушко И.В. Категориальный ряд феномена доверия в рамках повседневного общения /И.В. Глушко // Актуальные проблемы обществознания: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 11. Зерноград: Изд-во ФГБОУ ВПО АЧГАА, 2011. (0.5 п.л.).

39. Глушко И.В. Феномен недоверия и современное общество/ И.В. Глушко // Посткризисное развитие современного общества: взгляд в будущее (экономические, социальные, философские, правовые аспекты): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (7 октября 2011г., г. Саратов). В 3-х ч. Ч.1. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. (0.3 п.л.).

40. Глушко И.В. Философская парадигма анализа недоверия/И.В. Глушко

// Общество: философия, история, культура. Научный журнал. Краснодар, 2011. № 3–4. (0.35 п.л.).

41. Глушко И.В. Модернизация и потенциал доверия /И.В. Глушко // Экономика XXI века: модернизация в аспекте глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (28 февраля 2012 г., г. Саратов). В 2-х ч.1. Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2012. (0.25 п.л.).

42. Глушко И.В. Социальное недоверие как философский концепт / И.В. Глушко // Философия в современном мире: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (30 августа 2012 г., г. Москва). М.: Изд-во «Перо», 2012. (0.25 п.л.).

43. Глушко И.В. Значение философии в осмыслении социального доверия как общечеловеческой ценности в условиях кризиса / И.В. Глушко // Управление современным инновационным обществом: модернизация и развитие (экономические, социальные, философские, правовые аспекты): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (8 октября 2012 г., г. Саратов). В.3-х ч. Ч.1. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. (0.3 п.л.).

44. Глушко И.В. Социальное доверие: особенности мультидисциплинарного подхода к исследованию / И.В. Глушко // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2013: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25 июня 2013г., г. Барнаул). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2013. (0.3 п.л.).

45. Глушко И.В. Актуализация проблемы социального доверия в социально-политическом дискурсе современной России / И.В. Глушко //Философия элитологии. Сб. тр. Первого Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием (7–8 октября 2013 г., г. Ростов н/Д.,). В 3-х т. Т.3. (0.2 п.л.).

46. Глушко И.В. Доверие и личностный рост как проблемы развития современной организации / И.В. Глушко // Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (16 апреля 2014 г., г. Саратов). В 2-х ч. Ч.1. Саратов: изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2014. (0.25 п.л.).

47. Глушко И.В. Категоризация доверия как индивидуально-социальной реальности /И.В. Глушко // Путь в науку. Материалы Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (6–9 апреля 2015г., г. Ростов н/Д). В 4-х ч. Ч.3. Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. (0.25 п.л.).

48. Глушко И.В. Амбивалентный характер доверия в коммуникативных практиках гражданского общества и конструирования общероссийской идентичности /И.В. Глушко // Научное обеспечение регионального развития: материалы Междунар. науч. конф. (23–24 апреля 2015г., г. Ростов н/Д). Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. (0.3 п.л.).

49. Глушко И.В. Философская дихотомия «доверие-недоверие» как результат и инструмент исследования транзитивных социальных отношений /И.В. Глушко // Российское образование: проблемы, векторы и ориентиры развития: материалы Междунар. научно-практич. конф. (4 февраля 2015 г., пос. Персиановский). Пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2015 г. (0.2 п.л.).

50. Глушко И.В. Доверие в современном российском обществе как проблема социально-философского дискурса / И.В. Глушко // О вопросах и проблемах современных общественных наук. Сб. науч. тр. по итогам II Междунар. научно-практич. конф. (6 июля 2015 г., г. Челябинск.). Челябинск, 2015. (0.25 п.л.).

51. Глушко И.В. Дихотомия «доверие-недоверие» как предмет социально-философского дискурса / И.В. Глушко // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад - диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (6–10 октября 2015 г., г. Уфа). В 3-х т. Т.1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. (0.1 п.л.).

52. Глушко И.В. Социальные практики доверия и недоверия: моделирование имплементации в современном российском обществе /И.В. Глушко // Межэтнические отношения и национальная политика в современной России: материалы Всерос. науч. конф. (22–23 октября 2015 г., г. Ростов н/Д). Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. (0.25 п.л.).